Бабушка Цзян, похоже, ушла танцевать на площадь и дома её не было, так что даже при таком шуме она не вышла.

Цзян Нин пронзительно завопила, призывая на помощь, решив, что столкнулась с плохими людьми.

В разгар борьбы ей в руку сунули чек.

— Мисс Цзян, пожалуйста, не сопротивляйтесь, мы не причиним вам вреда, мы пришли сюда лишь исполнить поручение господина Гу!

Хотя двое мужчин и удерживали её за руки, никаких лишних и тем более опасных движений они и вправду не делали.

А упоминание господина Гу из уст незнакомца заставило Цзян Нин прекратить сопротивление.

— Вы… сначала отпустите меня!

Когда её вот так держали под руки, Цзян Нин чувствовала себя неуютно.

Услышав это, оба мужчины отпустили её и встали перед ней. Их мощные фигуры и исходившая от них аура не связывайся со мной красноречиво свидетельствовали об их опасности.

Цзян Нин втянула голову в плечи и лишь после этого взглянула на чек.

Длинная-предлинная цепочка цифр — нужно было присмотреться получше, чтобы в ней удостовериться.

Если её глаза не обманывали, в этом чеке было пятьдесят миллионов, верно?

— Мисс Цзян, господин Гу велел передать вам: он больше не хочет видеть вас в городе З. Он надеется, что вы уедете из города З, и это — компенсация от него.

Ещё никогда прежде Цзян Нин не казалось, что деньги… настолько дешевы.

Просто… казалось, будто стоило в одночасье заполучить такую уйму денег, как сами деньги потеряли всякое значение.

Теперь в её голове крутилось лишь одно: Гу Сяо прогоняет её.

С чего бы это вдруг?..

Все перемены, абсолютно все, казалось, начались со вчерашней ночи.

Но ведь вчера она и вправду ничего такого не сделала!

Клянется!

И почему же тогда Гу Сяо среди бела дня решил выгнать её?!

Только не это! У неё же задание! Ей ещё нужно выполнить задание!

Цзян Нин не удержалась и заплакала. Ей не нужны были деньги, она хотела лишь остаться

рядом с Гу Сяо и предотвратить то, что должно случиться в будущем.

Но кто же мог ей помочь? Никто не мог ей помочь.

Гу Сяо смог запросто выписать чек на пятьдесят миллионов — это значило, что у этого человека есть и власть, и богатство, и уж если он решил выгнать её, у него наверняка найдется сотен две способов сделать это.

То, что он прислал двоих людей, которые вручили ей деньги и при этом столь «вежливо» попросили уйти, можно было считать ещё мягким исходом.

Двое мужчин никак не отреагировали на внезапную истерику Цзян Нин.

Выплакавшись и обессилев, Цзян Нин забрала чек.

Однако мужчины заявили, что будут ждать, пока она уедет, и только тогда уйдут.

Цзян Нин была готова рыдать навзрыд.

Эти люди заблокировали вход в её дом.

И вдобавок заявляют, что не уйдут, пока она не уедет.

При всей своей безграничной неволе ей всё же пришлось войти в дом и начать собирать вещи.

Бабушка Цзян, только что переступив порог, сразу нашла Цзян Нин и принялась расспрашивать, почему у дверей стоят двое жутких мужчин.

Цзян Нин уже успела уложить один чемодан.

Услышав вопросы бабушки, она на мгновение растерялась, совершенно не зная, что ответить.

Тогда Цзян Нин подошла к выходу и, обратившись к телохранителям, похожим на двух храмовых стражей, спросила, нельзя ли уехать завтра, ведь сегодня уже слишком поздно.

Оба телохранителя переглянулись, но отвечать сразу не стали.

Цзян Нин оставалось лишь запереть дверь, вернуться в комнату и молча продолжить сборы.

Характер у неё был лёгкий.

В конце концов, до развития событий с плохим концом оставалось ещё больше двух лет, так что вернуться потом и придумать что-нибудь было вполне возможно.

А пока… раз Гу Сяо велел ей уходить, оставалось только подчиниться.

Правда, Цзян Нин никак не могла взять в толк: если Гу Сяо больше не хочет её видеть, ему стоило просто перестать выходить на связь, к чему было заставлять её уезжать из города З? Разве её присутствие или отсутствие в городе З имело хоть какое-то значение?

Разве не всё равно получалось бы: раз он сам не проявляет инициативу и не ищет её, то она и не сможет с ним увидеться?

У самой же Цзян Нин не было никакой возможности по собственной воле отыскать Гу Сяо.

Бабушка Цзян оказалась полностью проигнорирована внучкой. Она заметила, что у Цзян Нин на душе тяжело, и обратила внимание на её механические движения при сборах вещей.

Наконец, бабушка Цзян взяла её за руку.

— Сяо Нин, что в конце концов произошло? Куда это ты собралась, упаковывая чемоданы?

Только тут Цзян Нин пришла в себя.

— Бабушка, помнишь, я говорила тебе в прошлый раз, что хочу уволиться с работы?

— Наверное, коллеги на работе обижали тебя? — с тревожным сердцем расспрашивала бабушка Цзян, подходя ближе и поглаживая Цзян Нин по лицу. — Сяо Нин, это всё бабушка во всём виновата, это из-за меня тебе пришлось столько натерпеться! Ты такая красавица, тебе следовало давным-давно найти хорошую семью, это я тяну тебя на дно!

Говоря это, бабушка Цзян даже расплакалась.

Цзян Нин тут же принялась её утешать:

— Бабушка, никто меня не обижал, просто мне больше не хочется там работать. И ещё, бабушка, разве я тебе не говорила уже давным-давно? Я не завожу парня не потому, что не хочу, а замуж я просто не собираюсь выходить. Бабушка, ты вовсе не тянешь меня на дно, и больше никогда не смей говорить такие слова — мне будет больно их слышать.

После таких слов бабушка Цзян, разумеется, перестала заниматься самобичеванием.

В результате она благополучно забыла о том, что собиралась расспросить Цзян Нин о её сборах и о том, куда она собралась.Цзян Нин тревожилась, а снаружи дежурили два телохранителя — и вовсе не для того, чтобы защищать её, а чтобы присматривать за ней и выпроводить прочь.

Больше не теряя времени, она продолжила собирать вещи.

Заодно она упаковала и то, что принадлежало бабушке Цзян.

Уже слишком поздно, поэтому в итоге Цзян Нин всё же добилась разрешения уйти на следующий день.

Когда Гу Сяо вызвали в родовое поместье, Гу Лэ уже был там.

После выхода на пенсию старик жил беззаботно и размеренно.

Обычными его занятием были либо партии в маджонг со старыми друзьями, либо рыбалка.

Гу Сяо он звал крайне редко.

На этот раз он вызвал Гу Сяо исключительно из-за Гу Лэ.

Старик постарел и теперь любил заводить всякую живность — рыбок там, собак.

Послушная немецкая овчарка лежала у ног старика, пока тот гладил её по шерсти.

Увидев вошедшего Гу Сяо, старик холодно хмыкнул и саркастично бросил:

— Ого, редкий гость.

Увидев Гу Сяо, Гу Лэ, несмотря на то, что ещё утром отец его наказал, всё же выдавил:

— Пап.

Гу Сяо сел на диван и на колкости старика ответил лишь сухим:

— Угу.

Разъяренный старик чуть было не спустил на него собаку.

— Объясни-ка, какую провинность совершил этот мальчишка, раз ты его так наказал!

Говорят, на каждого найдётся своя управа.

Гу Лэ боялся Гу Сяо.

Гу Сяо боялся…

Нет, Гу Сяо не боялся Гу Чэня.

Гу Сяо вообще никого не боялся, он всё делал исключительно по собственному волеизъявлению.

— В столь юном возрасте не ночует дома.

Холодно бросив эти восемь слов, мужчина скрестил ноги, устроился поудобнее на диване и ленивым взглядом окинул Гу Лэ.

Гу Лэ мгновенно почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Гу Лэ думал, что Гу Сяо вернется из командировки не так скоро.

Поскольку ему нужно было повторять учебный материал и готовиться к сдаче экзаменов в конце семестра, он задержался в школе до поздна, а потому заночевал в собственной квартире, которую купил для себя сам.

Но как назло, именно в ту ночь Гу Сяо вернулся и обнаружил его отсутствие дома.

Гу Сяо вовсе не интересовался его передвижениями, но… Гу Сяо не допускал никаких отклонений в воспитании.

Гу Лэ должен был стать точной копией Гу Сяо в его годы, и абсолютно всё в его жизни обязано было подчиняться установленным правилам.

В молодости Гу Сяо никогда не ночевал вне дома.

А потому и Гу Лэ он делать этого категорически не позволял.Такая система воспитания была порочной, но откуда Гу Сяо знать, что правильно, а что нет?

Впрочем, его это и не волновало. Его никогда ничего не волновало.

Даже столкнувшись с упрёками Гу Чена.

Он по-прежнему оставался холоден и невозмутим, глядя на собственного сына с высокомерным достоинством.

Гу Лэ казалось, что в горле у него запершило.

Сердце болезненно сжалось.

Глаза тоже почему-то защипало.

Будто что-то вот-вот готово было пролиться наружу.

Влюбленные в конце концов женятся (часть 7)

Вид Гу Сяо рассмешил Гу Чена от злости.

Вот он, его преотличнейший сынок!

Зря он вообще отдал маленького Лэ ему на воспитание!

Но он знал, что Гу Сяо не станет его слушать. У Гу Сяо всегда были свои собственные правила, и никто на свете не был способен их нарушить.

Даже он, собственный отец.

Что ему оставалось делать? Он мог лишь стараться по мере сил защищать маленького Лэ — в конце концов, разве у него был кто-то еще, кроме этого драгоценного внука?

Стоило вспомнить об этом, как Гу Чен разъярился еще сильнее.

После развода с бывшей женой Гу Сяо, казалось, вовсе потерял интерес к тому, чтобы заводить новые отношения.

Гу Чен уже не в первый раз пытался подсунуть ему женщину.

Но всякий раз Гу Сяо выгонял их всех.

Хотя, если верить слухам, на этот раз одна из них все же задержалась.

— Я слышал, ты оставил у себя девчонку, которую я тебе прислал?

Гу Чен постарался принять строгий вид отца и заговорил с Гу Сяо с достоинством.

Гу Сяо, очевидно вспомнив о чем-то, вмиг помрачнел.

— Отец хочет, чтобы я нашел кого-нибудь? — вместо ответа спросил Гу Сяо.

Гу Чен не стал ходить вокруг да около:

— Конечно! Я ведь не хочу, чтобы ты встретил старость в одиночестве, без спутницы рядом.

К тому же, Гу Чен надеялся, что Гу Сяо родит еще детей, чтобы он мог сполна насладиться радостями семейного тепла.

На губах Гу Сяо вдруг появилась едва заметная улыбка, словно он вспомнил о чем-то забавном.

В этот миг его суровое лицо неожиданно смягчилось.

— Вот как, значит.

Голос прозвучал очень тихо — то ли отвечая Гу Чену, то ли бормоча про себя.

— Что ты сказал? — слух у Гу Чена уже был не тот, он не рассборчиво уловил бормотание сына и переспросил.

— Разве отец не боится, что я женюсь на той женщине, которую ты мне подсунул? Насколько я выяснил, у нее нет за душой никакого достойного происхождения. Разве отец не придавал всегда наибольшего значения равности социального положения?Гу Сяо слегка приподнял уголки губ, и его взгляд, упавший на Гу Чена, был холодным и отстраненным.

Гу Сяо всегда оставался таким: в какое бы время это ни происходило и с кем бы он ни разговаривал, от него исходила отчужденность, в которую никто не мог пробиться.

Именно поэтому в свете ходили слухи, будто в третьем поколении семьи Гу царит разлад.

Гу Чен почувствовал себя так, будто сам поднял камень и уронил его себе на ногу. Хотя в прошлом характер Гу Сяо был несколько холодноватым, к счастью, он рос очень послушным ребенком.

В молодости Гу Чен вел разгульный образ жизни. Будучи младшим сыном в богатой семье Гу, он купался во всеобщей любви и баловстве.

Это и сформировало его буйный нрав: уже подростком он начал волочиться за женщинами, а перешагнув за тридцать, даже и не думал о женитьбе.

Позже, когда ему все же захотелось обзавестись очагом, он женился на дочери из семьи Бай.

Однако из-за того, что в молодости он слишком сильно предавался утехам, в итоге у него родился единственный ребенок — Гу Сяо.

Он вовсе не хотел, чтобы Гу Сяо повторил его пройденный путь.

Поэтому с самых малых лет он держал Гу Сяо в строгой дисциплине.

Глядя, как Гу Сяо постепенно растет и начинает проявлять свои выдающиеся способности и талант,

Гу Чен испытывал невероятную гордость!

Настоящий гений — и это его собственный сын!

Единственное, чем Гу Сяо был недоволен, — это тем, что этот гениальный сын казался каким-то отстраненным от семьи.

Он думал, что стоит Гу Сяо жениться, как все изменится: обзавевшись женой, он научится быть ближе к родным.

Кто же знал, что после женитьбы Гу Сяо ни капли не изменился.

Невестка не раз жаловалась им, что Гу Сяо только и знает, что пропадает на работе и не возвращается домой, и никогда не проявляет заботы о ней как о жене.

А когда позже выяснилось, что невестка изменяет мужу, Гу Чен в душе даже не слишком-то удивился.

Ведь даже при разводе Гу Сяо вел себя так же холодно, как и всегда.

В нем не было ни единой эмоции, которая полагается мужчине, чья жена изменяет.

Ни печали, ни тоски, ни ярости, ни приступов бешенства!

Всего этого у него не наблюдалось вовсе.

Позже, когда Гу Сяо уже воспитывал маленького Лэ, находилось немало женщин из высшего общества, желавших выйти за него замуж.

Выдающиеся достоинства Гу Сяо были известны всем, и каждый стремился завязать с ним какие-нибудь отношения.

Но Гу Сяо всех отвергал.

Опасаясь, что Гу Сяо останется в одиночестве, Гу Чен время от времени пытался подсунуть ему женщину.

Однако Гу Сяо неизменно держал позицию полного отказа.

И вот когда в прошлый раз до него дошли слухи, что Гу Сяо кого-то у себя оставил, радости Гу Чена не было предела!

В тот же день он велел собрать всю информацию об этой женщине.Узнав, что Цзян Нин пошла работать в клуб ради спасения тяжелобольной бабушки, Гу Чэнь проникся к этой женщине глубоким уважением и остался ею весьма доволен.

Он полностью взял на себя организацию лечения больной старушки.

Гу Чэнь надеялся лишь на то, что эта женщина сможет пробыть рядом с Гу Сяо как можно дольше. Было бы ещё лучше, если бы она сумела забеременеть — ему был важен сам внук, и он совершенно не возражал против того, чтобы ребёнок оказался внебрачным.

— С кем хочешь, с тем и женись, чего мне бояться? По-твоему, я похож на человека, который станет возражать? Даже если бы Сяо Лэ полюбил какую-нибудь девушку и захотел быть с ней, а её происхождение и положение в обществе оставляли бы желать лучшего, я бы всё равно поддержал его! Меня совершенно не волнуют подобные вещи, у детей и внуков своя судьба.

Высказавшись, Гу Чэнь бросил взгляд на молча сидящего рядом Гу Лэ в надежде, что тот поддержит его и поможет уговорить Гу Сяо.

Гу Лэ заметил намёк отца, но отговаривать брата не стал.

Гу Сяо опустил ногу, закинутую нога на ногу, и разгладил складки на одежде.

— Отец, раз уж ты так думаешь, поступай именно так.

Бросив эту совершенно невпопад сказанную фразу, он встал и ушёл, не давая Гу Чэню времени прийти в себя.

— Вот шельмец! Что он имеет в виду вечно от него одни хлопоты!

Гу Чэнь указал на дверь, за которой скрылся Гу Сяо, и попытался найти утешение у Гу Лэ.

Человек, выросший в любви, даже в старости сохраняет детские привычки и может устроить взбалмошное представление.

Гу Лэ давно привык к подобным ребячливым выходкам деда.

Старик прекрасно знал, что Гу Сяо не станет его слушать и обязательно сделает наперекор, но всё равно упорно пытался вести с ним диалог.

— Дедушка, кажется, отец имел в виду, что он последует твоему совету и подыщет мне мачеху.

Самому Гу Чэню было абсолютно всё равно, женится Гу Сяо или нет.

Если бы после женитьбы тот стал обращать на него поменьше внимания или вовсе оставил в покое, было бы просто замечательно.

— Ты правду говоришь?

Гу Чэнь, только что гневавшаяся на старшего сына, мгновенно просиял от слов внука.

Никто не поинтересовался мнением Гу Лэ.

Никто даже не спросил его.

Хочет ли он, чтобы отец женился.

Иными словами, никого не волновало, что думает сам Гу Лэ.

И это несмотря на то, что все вокруг твердили, будто Гу Чэнь души не чает в своём внуке.

Но в глубине души Гу Чэнь по-прежнему видел в Гу Лэ всего лишь ребёнка.Мысли и мнения детей не имеют значения.

Цзян Нин получила звонок от управляющего Ляна уже в два часа ночи.

К тому моменту она уже давно спала.

Но от телефонного звонка она сразу проснулась.

Снова посреди ночи она села в машину, направляющуюся в особняк.

По неизвестной причине Гу Сяо вызвал её среди ночи.

Разве он не собирался прогнать её? Почему он снова её разыскал? Цзян Нин никак не могла взять в толк.

Впрочем, как ни посмотри, для неё это было хорошим знаком, не так ли?

Влюбленные наконец обретают друг друга (часть 8)

Войдя в комнату Гу Сяо, Цзян Нин вдруг почувствовала легкое напряжение: от Гу Сяо исходил поистине жуткий и давящий аурный напор.

— Господин Гу, — робко позвала она и медленными шагами подошла к Гу Сяо.

Гу Сяо лежал на кровати и читал книгу. На нём был черный шелковый халат, грудь была распахнута, обнажая крепкие и упругие мышцы.

Под этой широкой грудью отчетливо вырисовывались линии пресса, проступающие едва заметным рельефом и излучающие неотразимое очарование.

Гу Сяо всегда тщательно следил за своей внешностью, в свободное от работы время ходил в спортзал, к тому же у него практически не было вредных привычек.

Если не считать холодного и отстраненного нрава, Цзян Нин просто не могла придумать, какие у этого человека вообще могут быть недостатки.

Вспомнив о чеке на пятьдесят миллионов, Цзян Нин еще сильнее утвердилась во мнении, что Гу Сяо просто замечательный человек, до чего же чертовски щедрый!

Гу Сяо заметил её появление еще тогда, когда она только вошла. Услышав её голос, он закрыл книгу и поднял на неё взгляд.

Внешность Цзян Нин была несомненно яркой и соблазнительной, с легким оттенком манящего очарования; особенно красная родинка в уголке глаза придавала ей таинственности и женственности.

Те, кто плохо ее знал, легко поддавались обману ее внешности, полагая, что она будет столь же агрессивной по отношению к людям, сколь и красива.

Первое впечатление Гу Сяо о Цзян Нин было весьма неплохим, да и прекрасное он тоже ценил.

Он не раз встречал людей красивее Цзян Нин, но привлекало в ней вовсе не лицо — внешность

была лишь приятным дополнением.

Причина, по которой он оставил Цзян Нин у себя, крылась лишь в мимолетном колебании.

Но стоило ей приблизиться, стоило ему уловить исходивший от нее едва уловимый аромат, как он поддался на ее чары.

Раньше Гу Сяо терпеть не мог странные запахи дешевых духов от всяких женщин.Даже от своей бывшей жены он терпеть не мог запах, поэтому редко с ней сближался.

Однако за те немногие дни, что он был знаком с Цзян Нин, они предавались близости столько раз, что и не сосчитать.

— Подойди. — С бесстрашным выражением лица Гу Сяо отдал приказ, не терпящий возражений.

Цзян Нин и так уже стояла перед ним — куда еще ей было подходить?

Поразмыслив немного, она неуверенно опустилась в объятия мужчины.

Она почувствовала, как от этого ее движения тело мужчины мгновенно напряглось, и даже его мускулистая грудь, славившаяся своей упругостью, сделалась твердой, как камень.

Гу Сяо не привык к такой близости с людьми, однако, как ни странно, подобное поведение Цзян Нин совсем не вызывало у него отторжения.

Цзян Нин подумала, что Гу Сяо не любит, когда к нему так липнут, и, полежав в его объятиях всего пару мгновений, выпрямилась.

Ее шелковистые волосы рассыпались по плечам, во взгляде читалась ясность, а нежно-розовые губы были закусены до следов от зубов. На лице Цзян Нин застыло нерешительное выражение, а маленькие ладошки, упертые в грудь мужчины, слегка согнулись в пальцах.

— Господин Гу, я сделала что-то не так?

Цзян Нин все же решила выяснить, почему Гу Сяо вдруг велел ей уехать из города Z, ведь на вид он вовсе не казался человеком неразумным.Взгляд Гу Сяо, темный и густой, как тушь, упал на лицо Цзян Нин. Из-за близорукости он, когда вглядывался во что-то, бессознательно прищуривал глаза. У него были очень красивые глаза — это Цзян Нин заметила, когда они сближались до предела.

И только она могла разглядывать Гу Сяо с такого близкого расстояния.

— Нет.

Голос Гу Сяо звучал спокойно.

Цзян Нин действительно не совершила ничего дурного, просто во всем были виноваты его собственные беспричинные душевные метания.

— Это моя проблема.

Гу Сяо увидел себя в сияющих и чистых глазах Цзян Нин, отчего в его сердце шевельнулось какое-то чувство, и он сам признал свою ошибку:

— Сам не знаю почему, но ты вызываешь у меня некоторое раздражение.

Цзян Нин разжала до боли закушенную губу. Гу Сяо действительно сказал, что дело в нем!

Цзян Нин не могла понять в чем дело, но последовавшие слова Гу Сяо прояснили всё.

Выходит, всё равно дело в ней. Именно из-за нее Гу Сяо чувствует раздражение и недовольство, поэтому он не хочет ее видеть и прогоняет.

Эх, ну почему она такая неудачница.

Цзян Нин мысленно выругалась на свое личное обаяние, совершенно забыв о том, что ее внешность вечно привлекает всякие домогательства.

http://bllate.org/book/22208/2315178